

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ВЫБОР — СУДЬБА

Рассказывает народный артист
Аркадий РАЙКИН

ИНОГДА сатириков сравнивают с врачами. Согласен с таким сравнением: как и врачам, нам легче и полезнее заниматься профилактикой, нежели лечить застарелую болезнь. Мы должны ее предупредить, обезвредить нашим специфическим оружием — смехом.

В нашей трудной профессии сатириков зрители — самые верные союзники. В зрительном зале сидят мои авторы и критики, те, кому хочется подражать, и персонажи для осмеяния; вообще друзья и враги. Ни с чем не сравнить то волнение, которое испытываешь, ощущая солидарность зала.

Мы, сатирики, ищем прежде всего положительное, а если говорим порой о недостатках, то это оттого, что не имеем права закрывать на них глаза... Ведь и партийные решения всегда очень остро, очень критически оценивают недостатки. И в наших газетах, журналах высокий уровень критичности. А возьмите «Фитиль» — все это наши соратники, товарищи.

Сатирик пропускает все через свое беспокойное горячее сердце. Когда тот же самый текст — что, мол, тут плохо, там недочет — говорит глубоко безразличный человек, критикан — то такая позиция никому пользы не приносит. Это обыкновенное злопыхательство. А сатирик тем и отличается от мещанина-обывателя, что о самых негативных явлениях говорит с позиции доброжелательности, кровной заинтересованности в исправлении недостатков.

Нередко спрашивают: начав жизнь сначала, какую выбрал бы я специальность? Думаю, ту же. Надо сказать, что люди любят смеяться, это присуще человеку — смеяться, в том числе и над какими-нибудь недостатками, все вполне естественно. Но когда смеются над вами... Одно дело (помните, у Маяковского?) «про твоего знакомого», другое — «про тебя!»! Неизбежны недоразумения, обиды. Тем не менее я продолжаю заниматься своим делом. Есть же профессии верхолазов, монтажников, наконец, люди ходят по проволоке — все они прекрасно понимают, на что идут и чем рискуют...

ВСПОМИНАЮ свою юность. Неоперившимся актером я поступил на службу в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, где случайно и получил свою первую роль... Почему случайно? Роль была без слов. И играть ее, собственно говоря, было поручено моему товарищу, тоже начинающему актеру. Узнав об этом, он страшно огорчился, а я стал его успокаивать, мол, без слов — это прекрасно! Сколько можно самому придумать всякой всячины! Подумай, какой он человек — твой персонаж. Нафантазируй, напиши его биографию...

Однако товарища все мои доводы не успокаивали. Тогда я начал показывать этого человека: как он ходит, как одет, как относится к окружающим, как смотрит на мир... В этот момент в комнату вошел режиссер: «Ага, вот вы и будете это играть!» — сказал он и решил тем самым мою судьбу... Почему судьбу? Потому что, сыграв такую роль, я сделал свой окончательный выбор в творчестве. И выбор тот был — эстрада. Мне стало ясно, что лишь там смогу проявить себя наиболее полно, выразить то, что хочу... Тогда же, в тридцать девятом году, и организовался Ленинградский театр миниатюр...

Эстрада требует лаконичности: ничего лишнего, приблизительного, случайного. Я считаю, что эстрада очень показана всем актерам. Надо пройти через эту школу. Искусство миниатюры, может быть, даже сложнее, чем искусство большой формы, ибо в последнем у актеров есть время, целые акты, часы, а в нашем распоряжении — минуты. Поэтому надо поймать, найти, подметить в человеке, в твоём персонаже самое интересное, самое существенное...

Когда появилась моя первая маска? Ну сначала надо пояснить, что такое «маска» в моем понимании. Понятие это

условное. Маска по времени продолжается минуты три-четыре, а я бы мог сыграть, показать эту личность, тип, характер в течение целого спектакля в несколько действий. Мой образ известен мне досконально, до мельчайших и незначительных на первый взгляд подробностей. Поэтому хочу назвать маску мгновенной формой, «блицспектаклем»...

Первыми же у меня были сразу несколько масок. С ними я появился на конкурсе молодых артистов эстрады сразу после образования нашего театра. Это были докладчик-звонарь, мещанин-обыватель, Чарли Чаплин... Собственно, с знакомством своих первых знакомцев я уже не расставался. Тот самый мещанин-обыватель, к великому нашему огорчению, живет и сейчас. Правда, он изменяет свое обличье, приспосабливается к нашей жизни, он сейчас иначе себя проявляет, но он есть...

Мы знаем примеры, когда актер выбирает одну маску, и ему хватает ее на всю жизнь. Самый убедительный пример — Чарли Чаплин. Этот великий мастер снимался сначала в крошечных трюковых, но безликих комедиях, и был рядным актером. Но когда он нашел своего маленького человечка, нашел его судьбу, стал говорить о столкновении доброго, открытого, незащищенного существа с большим злом, большой машиной буржуазного города — рождались ситуации смешные и грустные, трагические и комические. Вот почему Чаплин — величайший комик XX века. Его герой оказался близким миллионам людей. Искуство Чаплина не превзойдено и по сей день.

Не скажу нового, если подчеркну, что наше ремесло — жертвенное. Оно требует на алтарь свой всего человека. Актер — это и скрипач и скрипка одновременно.

Я считаю актерскую профессию общественной деятельностью. А смех, по-моему, не только развлечение и не только оружие — он еще и «наглядное пособие», образец для борьбы со всяческими пороками, и в этом, думаю, одна из основных общественных функций нашего творчества. Искренность и органичность — спутники смеха.

Зритель ценит истинную доброту. Не снисходительное добродушие, а именно доброту. Ибо только по-настоящему добрый человек может обратить внимание на какое-то «мерзопаностное» событие, на персонаж, заслуживающий осмеяния. Добрый человек может быть зол, он может негодовать, с кулаками лезть в бой с ложью и беззаконием, с кулаками отстаивать справедливость и порядок...

Зрительный зал ощутимо влияет на исполнение. Ну и, конечно, другие моменты тоже влияют: настроение, самочувствие, даже... погода, но, впрочем, не это, разумеется, главное.

От спектакля к спектаклю появляются какие-то находки, и потому каждое представление всегда чем-то отличается от предыдущего. Порой так входяшь в образ, что, казалось бы, только играть его и играть, но обнаруживаешь, что пора этот образ бросать — персонажи устаревают. Важно вовремя это заметить. Ведь и какие-то жизненные проблемы сходят со сцены. И беда, если эти перемены не скажутся на репертуаре.

Правда, тут нам на выручку вовремя должны придти драматурги. Но дело в том — и это не является большим секретом, — что сейчас нет комедиографов; какими были Гоголь и Салтыков-Щедрин... При всем при этом довольно часто мы встречаемся в нашем театре с талантливыми и очень интересными людьми. Вот, например, в последнее время у нас такой альянс «с физиками»... С теми, кто работает в области техники, электроники. Они не профессионалы в литературе, но видят мир свежо, с острым чувством юмора. И сотрудничество с ними очень плодотворно.